

Филошкин А. И.

Завоевания Ивана Грозного в памяти потомков*

Образ Ивана Грозного в памяти потомков неоднократно подвергался изучению исследователей. В их работах акцент делался на его отражении в литературе и искусстве¹, фольклоре², кинематографе и театре³ и т. д. Во всех этих работах рассматривались особенности закономерности формирования художественного образа первого русского царя в зависимости от законов жанра и вида искусства. В меньшей степени ставился вопрос, какие именно деяния царя нашли свое выражение в памяти потомков. Здесь на первом месте оказались кровавая опричнина, полемика с Курбским, драматические отношения с церковью и убийство Филиппа Колычева, гибель сына царевича Ивана, трагические аспекты семенной жизни государя и т.д. А вот история завоеваний России при Иване Грозном в исторической памяти оказалась слабо связанной с персоной царя и востребована куда меньше, чем события внутренней политики. Если Петру I стоят памятники почти в каждом воевавшем при нем городе, то аналогичных памятников Ивану IV просто нет. Данный феномен — явное доминирование в исторической памяти об Иване Грозном внутренних деяний над внешнеполитическими — нуждается в объяснении. Чтобы его объяснить, проанализируем, какие именно дела царя Ивана в области завоеваний и походов были «мобилизованы» исторической памятью в новое и новейшее время?

Первым громким внешнеполитическим деянием молодого монарха стало присоединение Казанского ханства в 1552 г после долгой «Казанской войны»

* Статья подготовлена при поддержке РФФ, проект ««Мобилизованное средневековье»: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в новое и новейшее время», проект № 16-18-10080.

¹ Буганов А.В. Отношение к русским царям в народном сознании XIX — начала XX вв. // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. М., 2002. С. 253–261; Леонтьева О. Б. Личность Ивана Грозного в исторической памяти российского общества эпохи Великих Реформ: научное знание и художественный образ // Диалог со временем. 2007. № 18. С. 19–34; Сосницкий Д. А. Иван Грозный в исторической памяти русского народа (на материалах художественной, публицистической и учебной литературы) // Личность в истории в эпоху нового и новейшего времени (памяти профессора С. И. Ворошилова). Материалы международной научной конференции. СПб., 2011. С. 471–474; Мунья Н. Н. Иван Грозный. Историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. СПб., 2010; Филошкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны глазами современников и потомков. СПб., 2013.

² Сенюгов И. П. «Народное воззрение на деятельность Иоанна Грозного». СПб., 1892.

³ Perrie M. The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. New York, 2001.

1547–1552 гг. Важное идеологическое значение этого события для России XVI в. неоднократно отмечалось учеными⁴. В Москве был поставлен храм-памятник в честь Казанского взятия — собор Покрова Божией Матери на Рву. В самой Казани в XVIII–XIX вв. была Проломная улица, ведущая к месту пролома крепостной стены при осаде 1552 г.⁵.

После осады недалеко от Кремля был основан Успенский монастырь, по преданию, поставленный на месте братской могилы воинов, павших при штурме Казани. В 1560 г. он был перенесен на Змеиную (Зилантову) гору, потому что подтоплялся водой при паводках⁶. На самой могиле осталась часовня. В 1811 г. архимандрит Зилантова монастыря Амвросий (Сретенский) обратился к казанскому архиепископу Павлу с просьбой разрешить возвести на месте могилы памятный знак — «столп». Проект власти в целом поддержали, но «столп» забраковали. Император Александр I поручил сделать новый проект памятника архитектору Н. Ф. Алферову.

Алферов в своем творчестве руководствовался не православными поминательными традициями и не пытался как-то отразить в проекте историю «Казанского взятия». Для памятника он избрал популярный тогда «египтизирующий стиль» и представил его в виде стилизованной восточной пирамиды-гробницы, внутри которой находился храм. Закладка памятника 29 июня 1813 г. уже носила символический характер: в Казани находились члены Правительствующего сената и Опекунского совета, которые были эвакуированы в Поволжье из-за сожжения Наполеоном Москвы. Строил здание архитектор А. К. Шмидт.

Основание нового памятника русским воинам в контексте патриотического подъема Отечественной войны 1812 г. имело особое значение, впрочем, мало связанное с памятью об Иване Грозном, а скорее переключющееся с мемориальной политикой в отношении павших воинов. Императорская семья внесла 10 000 руб. на постройку комплекса⁷. Но у населения проект не вызывал «священного трепета»: значительная часть средств была попросту разворована, причем как чиновниками, так и простыми строителями⁸. Его почитание как объекта памяти шло скорее «сверху», от властей. После открытия с парадом и пушечной

⁴ Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. М., 1995; Keenan E. Muscovy and Kazan: Some introductory remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // Slavic Review. 1967. Vol. 26. P. 548–558; Pelensky J. Muscovite imperial Claims to the Kazan khanate // Ibid. P. 559–576; Pritsak O. Moscow, the Golden Horde and the Kazan khanate from a Polycultural point of View // Ibid. P. 577–583; Shevchenko I. Moscow's Conquest of Kazan: two views reconciled // Ibid. P. 541–547; Pelensky J. Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). Mouton, 1974. P. 65–138; Kampfer F. Die Eroberung von Kazan 1552 als Gegenstand der zeitgenössischen russischen Historiographie // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1969. Bd. 14. S. 7–161.

⁵ Рубышкин М. Краткая история города Казани. Казань, 1848. Т. 2. С. 2.

⁶ Рубышкин М. Краткая история города Казани. Казань, 1848. Т. 1. С. 88–90; Баженов Н. К. Плавание к Зилантову монастырю и Казанскому памятнику. М., 1846.

⁷ Рубышкин М. Краткая история города Казани. Т. 2. С. 77–80.

⁸ Загидуллин И. Празднование в России покорения Казани во второй половине XVI — начале XX в. // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования» 5 февраля 2002 г. Казань, 2002. С. 4–71.

пальбой 30 августа 1823 г. в день Св. Александра Невского храм-памятник вскоре обветшал. Его архитектора, А. К. Шмидта, даже пытались привлечь в суду «за нерадивость». Уже в 1830 г. он был закрыт на реставрацию (ее осуществлял архитектор П. Г. Пятницкий). После ее окончания в 1832 г. памятник перевели в военное ведомство⁹.

Памятник обязательно посещали члены императорской фамилии, проезжавшие через Казань. 2 октября, в годовщину взятия Казани, ежегодно перед ним проводились парады. Праздник назывался «именины казанские»¹⁰. Сохранилось его описание, свидетельствующее об официальном характере мероприятия: «Это служение с 1823 года, то есть по устройении памятника, обыкновенно совершает местный преосвященный. Здесь после часов перед литургиею совершается панихида по царю Иоанну IV Васильевичу и по воинам, при взятии Казани за веру и отечество живот свой положивших. По окончании заамвонной молитвы бывает сход в подземелье памятника, и там возглашается вечная память только уже православному воинству при взятии Казани, положившему свой живот за веру и отечество, и непосредственно по совершении сего схода в сей же церкви совершается благородный Господу молебен с приглашением многолетия Его величеству государю императору со всей Его августейшей фамилией, а потом — вечной памяти царя Иоанна Васильевича, победителя Казани. При сем молебне иногда бывает и войско, какое находится в Казани. При окончании молебна, оно выстраивается на площади перед памятником и окропляется св. водою, чем и оканчивается все празднество. Так как церковь в памятнике очень тесна, то народ, кроме начальства и некоторых почетнейших лиц из граждан, здесь и не бывает»¹¹.

Почитание Ивана Грозного в основном исходило от церкви: «Тако разсуждая о действях истинной любви к Отечеству, мы неприменно соплетаем венец похвал виновнику благоговейнаго нашего собрания блаженной памяти Царю Иоанну Васильевичу Грозному и всему Его победоносному воинству... Что была Россия до преславной победы над Казанцами? Она была слаба, — она была устрашаема вероломством Татар, которые жадно пили кровь ея, похищали в плен ея сынов и дочерей, разоряли жилища и храмы, истощали ея сокровища. Что она после того, как Царь Иоанн Васильевич разрушил Казань, разтоптал прелесть Магомета и светом Евангелия просветил Казанское Царство! Несокрушимый, неприступный, величественный колосс, коего нозе железны, грудь адамантова, сердце злато, руце медяны, глава слоновой кости, венчанная приснозеленеющими лаврами и оливами — колосс, коего тяжестию подавляются все древние и новые враги его»¹².

⁹ *Гавришл, архим.* Историческое описание памятника, сооруженного в воспоминание убиенных при взятии Казани воинов на Зилантовой горе с рисунками. Казань: Университетская типография, 1833.

¹⁰ *Фролов Г. В.* Храм-памятник убиенным воинам при взятии Казани 1552 г. Казань, 2003. С. 12–17.

¹¹ *Загидуллин И.* «Во воспоминание покорения Казанского царства Государству Русскому» (празднование в 1852 году 300-летия взятия Казани) // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2000. № 1–2. С. 187–190.

¹² *Гавришл, архим.* Слово на день взятия Казани Царём Иоанном Васильевичем Грозным и на освящение храма, сооружённого в Памятнике над могилою православных воинов, за веру и отечество при взятии Казани живот свой положивших, говоренное Казан-

В начале XX в. роль памятника меняется. Он приобретает общественное значение. Вокруг него разворачивается противостояние монархических, либеральных и татарских националистических кругов. Монархисты в 1915 г. призывали к постройке в Казани памятника Ивану Грозному: «Памятник этот должен был бы служить знаком благодарности русского народа царю, приобщившему обширный Казанский край к благам гражданской жизни, а для казанцев он служил бы постоянным напоминанием о том историческом деятеле, который повёл к изменению физиономии города и края... Грозный — это звено, соединяющее историю Казани с общерусской, даже более — он творец и, так сказать, родоначальник истории христианской Казани»¹³.

В советское время память о Грозном и покорении Казани в 1552 г. пытались вообще искоренить. В 1924 г. секуляризированный храм пытались перестроить в «Памятник во имя содружества народов», убрав из него всю атрибутику, связанную с Иваном Грозным и памятью о 1552 г. Но проект развития не получил. В советское время с постройки были сбиты все элементы церкви, и она стала просто светским монументом воинам, павшим при взятии Казани.

Новый виток противостояния вокруг этого памятника начался в 1990-е гг., когда татарская общественность стала требовать его сноса как знака русской оккупации. Его разоряли, пытались взорвать, покрывали оскорбительными надписями. Одновременно выдвигались требования возвести памятник татарам, убитым русскими при штурме города в 1552 г. Сегодня семантическое значение памятника для татар скорее относится к антипамяти, является символом покорения Татарстана Россией. В России же память о нем поддерживается в основном Русской православной церковью, ведущей борьбу за его функционирование как православного храма-памятника на мусульманской территории.

Войны Ивана Грозного с татарами были оборонительные и наступательные. Кроме Казанского, в 1556 г. было покорено Астраханское ханство. В современной Астрахани есть памятник Св. Равноапостольному князю Владимиру, но памятника Ивану Грозному нет. Походы войск Ивана IV на Крым в 1559 г. отражения в памятных знаках на местности не получили. Зато были возведены два памятника в честь отражения нападений крымский татар на Русь: в память битвы 1555 г. на Судьбищах (Орловская область, 1995 г., скульпторы А. Савелов и С. Давыдов, коллектив Орловского СНРП «Реставрация») и битвы 1572 г. на Молодах (2002 г.). Таким образом, здесь развитие памяти шло по традиционной линии дискурса русско-татарского противостояния: борьба с вековыми поработителями, татарским игом, оборона Руси от супостата. Завоевательные акции в отношении соседних в XVI в. татарских стран находили куда меньший отклик, их мемориализация шла в большей степени «сверху».

ского Успенского Зилантова Монастыря настоятелем Архимандритом Гавриилом 1832 года Октября 2 дня. Казань, 1833. С. 15-19.

¹³ Цит. по: *Алексеев И. Е., Гавриил (Воскресенский), архим.* «Покой душам вашим, православные витязи, за веру и отечество при взятии Казани положившие живот свой...». 2008 г. // http://ruskline.ru/analitika/2008/10/11/pokoj_dusham_vashim_pravoslavnye_vityazi_za_veru_i_otechestvo_pri_vzятии_kazani_polozhivshie_zhivot_svoj/ (последнее посещение 30 апреля 2016 г.).

Ливонская война 1558–1583 гг. имеет более сложную мемориальную практику. Взятие Нарвы 11 мая 1558 г. в русской книжности было связано с чудом обретения на городском пожаре неопалимых икон. Степенная книга уточняет чудесную находку: образ Богородицы с младенцем (Одигитрия) и четыре образа на одной иконе: Св. Николы, Св. Власия, Св. Козьмы и Дамиана¹⁴. Сохранность икон XVI в. в нарвских церквях вплоть до XX в. маловероятна¹⁵. Повидимому, в XVIII в. в церквях Ивангорода были написаны чудотворные иконы, якобы уцелевшие при пожаре Нарвы 1558 г.: в Преображенском соборе — образ Св. Николая, а в церкви Успения Богородицы — образ Одигитрии. На кивоте Богородичной иконы в XVIII–XIX вв. была прикреплена медная табличка, на которой излагалась вымышленная история образа: «1192 года, мая 13 дня, написан сей кивот к образу Одигитрии Богородицы Тихвинская, повелением ивангородца ругодивского жителя Герасима Кондратьева сына Нечаева, православным христианом на поклонение... писал многогрешный изограф Гри Васин Шанин»¹⁶. Тем самым время создания главной нарвской православной святыни было отнесено к XII в. — когда Нарвы даже еще не было.

Н. Андреев сообщил, что в 1937 г. данные чудотворные иконы отождествлялись с двумя образами: иконой Св. Николая, хранившейся в Нарве в Преображенском соборе, и иконой Богоматери в церкви Ивангорода. Первая икона, безусловно, относилась к XVII в., и ее связь с легендой является мифической. Зато ивангородский образ Богоматери относится к концу XV — началу XVI в. и носит следы повреждения огнем, что, по мнению Н. Андреева, возможно, подтверждает легенду¹⁷.

До 1940 г. образ находился в Нарве в Успенском соборе. После закрытия храма его перенесли в церковь Иверской монашеской общины под Ивангородом. После 1944 г. его следы теряются: церковная утварь и иконы Нарвы и Ивангорода были отправлены в Пюхтицкий монастырь, и судьба Нарвской Богоматери неизвестна. Сегодня в Нарве, в Воскресенском соборе, можно увидеть современный список иконы, а также список иконы Св. Николая, отождествляемый с «Нарвским чудом»¹⁸.

Другой блок реликвий и памятников периода Ливонской войны связан с Псковом, с его обороной от Стефана Батория в 1581 г. Чудеса конца Ливонской войны описаны в «Сказании о видении Дорофея». Этот полуслепой кузнец был монахом Покровского монастыря в Углу. Начиналась осада Пскова, и инок плакал о наступающей на город беде. Внезапно по его больным глазам ударил яр-

¹⁴ ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 295–296; ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21. Ч. 2. С. 658–659.

¹⁵ Selart A. Das Wunder von Narva am 11. Mai 1558. Zur Geschichte der russischen Polemik gegen die Reformation im 16. Jahrhundert // Forschungen zur baltischen Geschichte. 2009. Bd. 4. S. 50–51.

¹⁶ Петров А. Город Нарва, ее прошлое и достопримечательности в связи с историей упрочения русского господства на Балтийском побережье. СПб., 1901. С. 73–74, 379.

¹⁷ Andreyev N. The Pskov-Pechery Monastery in the Sixteenth-Century // Andreyev N. Studies in Muscovy: Western Influence and Byzantine Inheritance. London, 1970. P. 328–329. Footnote 44.

¹⁸ <http://www.sv-icon.ru/icon/icon117.html?text=1> (последнее посещение: 30.04.2016). — Детальное описание истории современных нарвских образов и их роли в русской идентичности Нарвы см.: Selart A. Das Wunder von Narva... S. 50–52.

кий свет, и сияющий столб от воды до небес прошел через р. Великую от Мирожского монастыря, находящегося на противоположном берегу, до Покровской башни и Покровского монастыря. Это шла Св. Богородица, а с ней преподобные отцы — основатель Киево-Печерского монастыря Антоний и игумен Псково-Печерского монастыря Корнилий.

Богородица взойшла на крепостную стену и, глядя в сторону Торга, начала свои обличения: «злые люди града сего» прогневали Господа, свершили множество грехов, и только когда пришла к ним беда, вновь обратились к Богу. Богородица призвала к себе Дорофея и велела передать ему следующее. Воеводы и печерские старцы должны непрерывно молиться за спасение града. Печерскую икону Богородицы следует принести и установить на стене у Покровской башни. Король, когда Господь услышит слезы и моление псковичан, лишится рассудка и, посрамленный, уйдет от Пскова. Произнеся это, Пречистая стала невидима, а потрясенный Дорофей очнулся в снях своей кельи. Сейчас в месте, где Дорофея посетило видение, стоит памятный крест.

В 1582 г. у Покровской башни Пскова у Баториева пролома была поставлена церковь Рождества Пресвятой Богородицы (первоначально — деревянная). Позже ее объединили с соседней Покровской церковью одноименного монастыря, и храм стал сдвоенным. Древний вид возвращен ему в 1961–1964 гг. в результате реставрационных работ под руководством В. П. Смирнова¹⁹.

Память об осаде Пскова Баторием отразилась и в создании ряда икон. Самой ранней из них считается храмовая икона Псковского Покровского монастыря «Богородица Псково-Покровская», написанная на рубеже XVI–XVII вв. по образцу знаменитого новгородского образа «Видение пономаря Тарасия»²⁰. Чудо «заступления» от иноземных войск также связывалось с псково-печерскими иконами «Успение с житием Богоматери» и «Богоматерь Умиление» (Владимирская). Их выносили на крестном ходе из Псково-Печерского монастыря в седьмое воскресенье по Пасхе²¹.

В XVIII в. появляются новые списки иконы «Богородица Псково-Покровская» из церкви Богоявления в Запсковье и в Успенском соборе Московского Кремля²². Эти иконы относятся к т. н. Покровскому изводу «Видения Дорофея». Второй извод, т. н. Печерский, получает развитие в конце XVII — начале XVIII в. (иконы «Видение старца Дорофея» и «Сретенье Богородицы» из Псково-Печерского монастыря). Наиболее известна из него так называемая «Икона Жиглевича» второй половины XVIII в., написанная по заказу псковской купеческой гильдии для ратуши. Ее выставляли в торговых рядах возле лавки купца И. И. Жиглевича. Примечательно, что по сравнению с первоначальным текстом «Видения Дорофея», на иконе XVIII в. изображены предстоящие собору Св. Троицы Св. Николай и Александр Невский (о которых в «Видении...» не го-

¹⁹ Левин Н. Ф. В память о героической обороне // Псков — город воинской славы: Статьи и документы. Псков, 2010. С. 232–233.

²⁰ Ткачева Н. Образ Пскова // Псковский летописец: Краеведческий альманах. 2010. Вып. 2 (3). С. 98.

²¹ Ткачева Н. Образ Пскова. С. 102–103.

²² Ткачева Н. Образ Пскова. С. 103–104.

ворится)²³. В 1784 г. была написана большая икона «Сретенье Богородицы» для часовни Владычного Креста, в которой также развивался сюжет «Видения Дорфея»²⁴.

В конце XIX в. началась организация «мест памяти» на Псковщине. 30 июля 1880 г. был утвержден устав Псковского археологического общества. На первом заседании 26 октября председатель общества, псковский губернатор М. Б. Пручченко, предложил сделать ближайшей целью организации отмечание в 1881 г. 300-летия осады Пскова Стефаном Баторием. Было решено поставить памятник на бастионе петровских времен «у так называемой местности Свинок». 8 сентября 1881 г. на бастионе были устроены из зелени и цветов триумфальные ворота с датами: «1581–1881». Рядом с грудой каменных ядер был поставлен деревянный крест. В 1897 г. городской архитектор Ф. П. Нестурх вместо него соорудил памятник, сохранившийся до сего времени²⁵.

Бывший петровский бастион под пером журналистов со временем превратился в братскую могилу воинов, павших в 1581 г. в боях с баториевцами. Эту легенду запустил в 1887 г. «Псковский городской листок». Были выпущены открытки с фотографией бастиона и подписью: «Братская могила». Место продолжало обрастать городскими легендами. Примерно в конце XIX — начале XX в. расположенный неподалеку выезд за пределы крепостных стен по Успенской улице стал называться «Баториевым проломом». Именно это место было объявлено тем самым знаменитым проломом городских укреплений в 1581 г., который армия Батория сделала при штурме. Вышли мемориальные открытки. Н. Ф. Окулич-Казарин писал в путеводителе, что изначально пролом был 64 сажени ширины, но часть его с боков заложили кирпичами, зато еще в 1866 г. в нем якобы лежала сметенная силой взрыва часть башни с зубцами (видимо, лежала нетронутой с 1581 г.)²⁶.

Псковичей не смущало, что то, что они назвали «проломом», было улицей, сделанной между 1821 и 1857 гг. при прокладке Успенской улицы за древнюю крепостную стену и устройстве выезда с нее к Фурштатской улице и Выползовой слободе. Как показано Н. Ф. Левиным, в планах и описаниях Пскова до 1821 г. крепостная стена в этом месте целехонька, и никаких проломов нет²⁷. Да никто и не стал бы держать незасыпанной и незастроенной дыру в крепости с 1581 г. 300 лет!

Мифология городских мест памяти продолжала разрастаться. Местность за Покровской башней по берегу р. Великой до церкви Св. Никиты «в поле» в XIX в. получила название «Выползовой слободы». Н. Ф. Окулич-Казарин приводит такое объяснение названия: «В народе живет предание, будто находящаяся сейчас же за Покровской башней Выползова слобода названа так от того, что во время штурма 8 сентября Матерь Божия ослепила поляков, а те поползли назад,

²³ Родникова И. Псковская икона XIII–XVI веков. СПб., 2007. С. 9; Ткачева Н. Образ Пскова. С. 108–109.

²⁴ Левин Н. Ф. В память о героической обороне. С. 244–247.

²⁵ Левин Н. Ф. В память о героической обороне. С. 278–280.

²⁶ Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову (любителям родной старины). Псков, 1913. С. 186.

²⁷ Левин Н. Ф. В память о героической обороне. С. 284–285.

как кроты»²⁸. В начале XX в. улица Выползовой слободы получила название Баториевской (позже рядом возникла Ново-Баториевская улица). В 1949 г. городские власти решили, что называть улицы в честь короля-захватчика негоже, и Баториеву улицу переименовали в Западную, а Ново-Баториевскую — в Историческую²⁹. Переходы в стенах и подкопы вокруг Покровской башни были объявлены теми самыми «слухами», минными и контрминными подкопами, которые поляки и русские копали вокруг башни в 1581 г.³⁰ Сегодня местность вокруг Покровской башни в Пскове представляет собой мемориальный комплекс, объект паломничества туристов.

В имперский период в Прибалтике был поставлен единственный в мире памятник русским воинам, павшим в Ливонской войне. На территории орденовской мызы Мяо (в 40 км от Пайды) был холм, в котором по преданию было похоронено 3000 русских, павших при штурме Пайды в 1573 г. Цифра явно преувеличена, да и в XVI в. православные не хоронили своих в курганах. В конце XIX в. эта земля принадлежала барону Штакельбергу. В 1886 г., в связи с посещением великим князем Владимиром Александровичем соседнего имения графа Толя Арукюла (Аррокюль), на холме был поставлен четырехгранный пятиметровый обелиск. На постаменте две даты — 1573 и 1886 годы. Обелиск сохранился до наших дней, в заброшенном состоянии стоит посреди заросшего поля.

В XVIII–XXI вв. в Прибалтике возникают места памяти Ливонской войны, связанные с рунированными остатками замков, храмов, монастырей. В путеводителях и краеведческой литературе о них стали писать как о памятниках, разрушенных Иваном Грозным (хотя многие пострадали в шведское время и позже). Среди наиболее значимых объектов можно назвать руины монастыря Пирита под Таллиным, развалины храма Петра и Павла на Домберге в Дерпте (Тарту), Падисский монастырь, замок в Пайде, под которым погиб знаменитый опричник Малюта Скуратов и т.д. На примере этих развалин можно было убедиться, какие масштабы катастрофы для Ливонии несла с собой война, какой апокалиптический характер она приняла для местного населения. Руины церквей, монастырей и замков, стоявшие в эстляндских и лифляндских городах, напоминали об этой страшной эпохе, о гибели Ливонии, о трагедии ее населения.

При этом памятники иной раз моделировались: туристам показывают в стенах таллиннской башни Кик-ин-де-Кёк каменные и железные ядра, якобы застрявшие в ней после огня русской артиллерии при осаде Ревеля в 1577 г. войсками Ивана Грозного. Однако никакая артиллерия XVI в. не смогла бы положить несколько ядер в стену «по ниточке», на равном расстоянии друг от друга и по идеально прямой линии. При этом все ядра утоплены в стену на одинаковое расстояние, что тоже кажется невероятным. Точное геометрическое расположение ядер объясняется просто: они были вмонтированы в стены при позднем ремонте, как строительный материал и как декор, украшение, достойное боевой башни. Но их показывают туристам как свидетельство агрессии русского царя, пушкарки которого падали в башню, но не смогли пробить ее стены.

²⁸ Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову... С. 185.

²⁹ Левин Н. Ф. В память о героической обороне. С. 287.

³⁰ Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову... С. 185, 187. Рис. 45.

Похожие процессы моделирования целых комплексов как памятников «русской агрессии» проходили в ХХ–ХХІ вв. в Полоцке, бывшем городе Велико-го княжества Литовского, а затем принадлежавшего Российской империи и СССР. Он был взят Иваном Грозным в 1563 г. и являлся самой дальней точкой продвижения России на запад в XVI в. Тем не менее, в самом Полоцке не было возведено никаких памятников Ивану Грозному или его войнам. Ставка царя Ивана была на месте Борисоглебского монастыря. Монастырь был разрушен в советское время, и на его месте стоит очень скромный памятный знак в честь обители. К местам, связанным с «русским» периодом в истории Полоцка, тем более с Иваном Грозным, у населения было отнюдь не мемориальное отношение (которое помножалось на нигилизм в отношении прошлого советского периода). Так, Стрелецкий (Нижний) замок, неплохо сохранившийся, в 1960-х гг. был закатан под стадион «Спартак», причем валы были использованы как основа для трибун. Футбольное поле находится прямо в чаше замкового вала. В современном историческом дискурсе полоцкой истории период завоевания «Ивана Жадливого» – однозначно трагическая страница, повествующая о гибели некогда богатого и славного города. Иван Грозный изображается только как злодей, разрушитель и захватчик.

Вокруг Полоцка располагаются городища, оставшиеся на месте так называемых «Полоцких пригородов» – крепостей Ивана Грозного, построенных в 1560-е гг. для обороны города и уничтоженных Стефаном Баторием в 1579 г. Это Сокол, Туровля, Касьян, Суша, Ситна и др. Большинство из них полностью заброшено и не несет никаких мемориальных знаков, только в Касьяне и Ситне стоят небольшие каменные знаки, свидетельствующие, что перед нами – памятник археологии, и в Соколе – деревянная самодельная памятная доска с кратким изложением истории крепости. При этом современные символические изображения крепости Сокол находятся в нескольких километрах от настоящего Сокола, в деревне Соколище, никакого отношения к крепости Ивана Грозного не имеющей. То есть как «места памяти» пригороды Ивана Грозного в современной Белоруссии находятся в полнейшем забвении.

Как видно из данного обзора, внешнеполитические деяния Ивана Грозного получили в исторической памяти неоднозначную трактовку. Полностью положительными и заслуживающими почитания они были только в официальной политике имперского периода (взятие Казани) и в оценках церкви (Казань, Псков). Впрочем, об официальной апологетической позиции надо говорить с известной долей осторожности – как известно, Ивану Грозному не нашлось места на памятнике «1000-летию России» в Великом Новгороде, а из его полководцев, как верно заметила Н. Н. Мутья, там помещен только Михаил Воротынский, победитель татар в оборонительном сражении при Молодах 1572 г.³¹ Лавры покорения Сибири в 1582 г. приписываются исключительно атаману Ермаку, но не Ивану IV.

Общество же оценивает войны царя, исходя из более устойчивых ценностных ориентиров. В основе лежат две идеи. Первая – память о павших войнах священна, неважно, где и за что – все равно надо чтить солдат, отдавших свои жизни за Отчизну (ср. памятник в Казани, который всегда для народа был в

³¹ Мутья Н. Н. Иван Грозный... С. 108.

большей степени памятником павшим, чем знаком господства над покоренными татарами). Вторая – почитание обороны страны, защиты Родины (что выражается в современном почитании битв при Судьбищах и Молодях, культе обороны Пскова в XIX–XX вв). Городом воинской славы России в 2008 г. стали Великие Луки, и отсчет этой славы ведется с героической обороны города от войск Стефана Батория в 1580 г. А вот культ завоеваний царя Ивана, «русских конкистадоров» так и не получил популярности, несмотря на определенные попытки его развития.

Зато за рубежом мы видим прямо противоположенные дискурсы: про оборону Руси при Иване Грозном и агрессии против нее иноземных держав нет никаких актуальных объектов исторической памяти, зато распространены объекты памяти, связанные с агрессией, нападениями, захватами и разрушениями, а также сопротивлением русскому наступлению (даже флюгер Таллина, знаменитый «Старый Томас» – это ревельский солдат, воевавший против армии «москвитов»). При столь антагонистической трактовке, применительно даже к уже довольно далекому, четырехвековому прошлому, неизбежно возникновение глубокого взаимного непонимания между культурами и центробежных тенденций, которые сегодня преобладают на постсоветском пространстве.

Статья подготовлена при поддержке
Российского научного фонда, проект № 16-18-10080.

Источники и литература:

1. *Алексеев И. Е., Гавриил (Воскресенский), архим.* «Покой душам вашим, православные витязи, за веру и отечество при взятии Казани положившие живот свой...». 2008 г. // http://ruskline.ru/analitika/2008/10/11/pokoj_dusham_vashim_pravoslavnye_vityazi_zhiva_veru_i_otechestvo_pri_vzyatii_kazani_polozhivshie_zhivot_svoj/ (последнее посещение 30 апреля 2016 г.).
2. *Баженов Н. К.* Плавание к Зилантову монастырю и Казанскому памятнику. М., 1846.
3. *Буганов А. В.* Отношение к русским царям в народном сознании XIX – начала XX вв. // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. М., 2002. С. 253–261.
4. *Гавриил, архим.* Историческое описание памятника, сооруженного в воспоминание убиенных при взятии Казани воинов на Зилантовой горе с рисунками. Казань: Университетская типография, 1833.
5. *Гавриил, архим.* Слово на день взятия Казани Царём Иоанном Васильевичем Грозным и на освящение храма, сооружённого в Памятнике над могилою православных воинов, за веру и отечество при взятии Казани живот свой положивших, говоренное Казанского Успенского Зилантова Монастыря настоятелем Архимандритом Гавриилом 1832 года Октября 2 дня. Казань, 1833. С. 15–19.
6. *Загидуллин И.* «Во воспоминание покорения Казанского царства Государству Русскому» (празднование в 1852 году 300-летия взятия Казани) // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2000. № 1–2. С. 187–190.
7. *Загидуллин И.* Празднование в России покорения Казани во второй половине XVI – начале XX в. // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования» 5 февраля 2002 г. Казань, 2002. С. 4–71.
8. *Левин Н. Ф.* В память о героической обороне // Псков – город воинской славы: Статьи и документы. Псков, 2010. С. 231–298.

9. *Леонтьева О. Б.* Личность Ивана Грозного в исторической памяти российского общества эпохи Великих Реформ: научное знание и художественный образ // Диалог со временем. 2007. № 18. С. 19–34.
10. *Мунья Н. Н.* Иван Грозный. Историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. СПб., 2010.
11. *Окулич-Казарин Н. Ф.* Спутник по древнему Пскову (любителям родной старины). Псков, 1913.
12. *Петров А.* Город Нарва, ее прошлое и достопримечательности в связи с историей упрочения русского господства на Балтийском побережье. СПб., 1901.
13. *Плюханова М.* Сюжеты и символы Московского царства. М., 1995.
14. *Родникова И.* Псковская икона XIII–XVI веков. СПб., 2007.
15. *Рубьшикин М.* Краткая история города Казани. Казань, 1848. Т. 1.
16. *Рубьшикин М.* Краткая история города Казани. Казань, 1848. Т. 2.
17. *Сенигов И. П.* «Народное воззрение на деятельность Иоанна Грозного». СПб., 1892
18. *Сосницкий Д. А.* Иван Грозный в исторической памяти русского народа (на материалах художественной, публицистической и учебной литературы) // Личность в истории в эпоху нового и новейшего времени (памяти профессора С. И. Ворошилова). Материалы международной научной конференции. СПб., 2011. С. 471–474.
19. *Ткачева Н.* Образ Пскова // Псковский летописец: Краеведческий альманах. 2010. Вып. 2 (3). С. 98–108.
20. *Филлюшкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны глазами современников и потомков. СПб., 2013.
21. *Фролов Г. В.* Храм-памятник убиенным воинам при взятии Казани 1552 г. Казань, 2003.
22. *Andreyev N.* The Pskov-Pechery Monastery in the Sixteenth-Century // Andreyev N. Studies in Muscovy: Western Influence and Byzantine Inheritance. London, 1970. P. 318–343.
23. *Kampfer F.* Die Eroberung von Kazan 1552 als Gegenstand der zeitgenössischen russischen historiographie // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1969. Bd. 14. S. 7–161.
24. *Keenan E.* Muscovy and Kazan: Some introductory remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // Slavic Review. 1967. Vol. 26. P. 548–558.
25. *Pelensky J.* Muscovite imperial Claims to the Kazan khanate // Slavic Review. 1967. Vol. 26. P. 559–576.
26. *Pelensky J.* Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). Mouton, 1974.
27. *Perrie M.* The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. New York, 2001.
28. *Pritsak O.* Moscow, the Golden Horde and the Kazan khanate from a Polycultural point of View // Slavic Review. 1967. Vol. 26. P. 577–583.
29. *Selart A.* Das Wunder von Narva am 11. Mai 1558. Zur Geschichte der russischen Polemik gegen die Reformation im 16. Jahrhundert // Forschungen zur baltischen Geschichte. 2009. Bd. 4. S. 46–55.
30. *Shevchenko I.* Moscow's Conquest of Kazan: two views reconciled // Slavic Review. 1967. Vol. 26. P. 541–547.